

Николай
Сличенко:

Откровение песни

«Расскажите, пожалуйста, в единственном в мире цыганском театре — Московском театре «Ромэн». Хотелось бы на страницах газеты встретиться с его главным режиссером Николаем Сличенко.

М. ПРОНИН.

Тула.

Цыганская песня, таинственная в своей простоте, каждый раз звучащая по-новому, во все времена очаровывает слушателей. Она воспринимается сердцем, согревает душу.

Неудивительно поэтому, что пение цыганки Стени покорило не только Пушкина, но и Наполеона. Голос ее дочери Ольги пленил молодого Глинку и Наполеона. Часто бывал у цыган в Павловске Лермонтов. Блок и Лев Толстой исторгались глубиной исполнения Вари Паниной...

— В чем заключается магия сила цыганской песни? — спросили мы у главного режиссера Московского цыганского театра «Ромэн», народного артиста СССР Николая СЛИЧЕНКО.

— Особенность цыганской песни рождена волею тяжелой судьбы нашего народа, который долгое время не знал устроенности в жизни. Ее кочевой характер дал цыганской песне глубину, грусть и бесшабашное веселье.

Цыганская песня трогает душу потому, что в ней никогда не изображается середина чувств! В ней нет среднего настроения. Она выражает либо предельное отчаяние, либо предельную радость. В ней сгущаются, становятся объемными человеческие чувства. И еще. Наверное, самое главное. Подлинно цыганская песня, в отличие от «цыганщины», всегда является откровением.

Я могу много песен называть

моими. В основном это русские песни. Да это и понятно! Русское искусство, а тем более песня, очень близки цыганам. Мы часто с гордостью говорим, что народное цыганское искусство оставило свой след в истории культуры многих народов. И, наоборот, цыганское искусство обогащало их культурой. Так, например, цыганский фольклор тесно переплетается с русским.

Я очень люблю поэзию Сергея Есенина. Именно в песнях на его стихи «Письмо к матери» и «Отговорила роща золотая» я нашел для себя родственное ощущение мира, созвучие сердец... Эти песни, наверное, и есть — «мои»! Наверное, потому так легко шла над ними работа.

— В начале разговора вы обмолвились о «цыганщине». Не кажется ли вам, что часто в репертуаре даже талантливых исполнителей появляются современные песни низкого художественного уровня?

— К сожалению, за подлинным цыганским творчеством нередко скрываются подделки. Выбор репертуара всегда остается на совести каждого исполнителя. За репертуаром должна стоять высокая требовательность художника. А если ее нет...

В современном театральном искусстве «Ромэн» мы стремимся сохранить лучшие традиции народного цыганского искусства.

— В чем, по-вашему, заключается своеобразие театра «Ромэн»?

— Каждый народ неповторим в своем искусстве. Наверное, неповторимость цыганского театрального искусства и нашего театра заключается в глубоком понимании народного творчества. Близость к цыганскому народному истокам дает нам право считать наш театр романтическим.

Вспомним, что коллектив был создан не только для того, чтобы сохранять, но и донести людям лучшее, что есть в искусстве цыган. Спектакли шли на цыганском языке, и изначально стояла задача чисто агитационного характера: оторвать цыган от кочевья, приобщить их к жизни страны.

Наш театр уже отметил свое 50-летие. Мы со стажем. И это заставляет нас все время быть в поиске, соответствовать времени, хотя это очень сложно. Но эта сложность и предлагает постоянный поиск.

— Каждый театр неразрывно связан со зрительным залом. Что значит для вашего театра проблема зрителя?

— Театр должен быть доступен зрителю. Понятен. И как это ни странно сейчас прозвучит, но у цыган основной язык — русский. И то, что мы играем на русском языке, позволяет нам не только выйти на более широкий круг вопросов через большую драматургию, не только воспитывать зрителя, но и заниматься самовоспитанием.

У нас бывает самый разный зритель. В этом тоже, наверное, наша специфика... Я — за самое широкое знакомство с искусством театра. Я — за разное зрелище. И пусть его будет больше! Мне же, как главному режиссеру, приятно видеть много молодежи в нашем зале.

— Ну а сейчас какие сложности возникают в вашей работе главного режиссера?

— Каждый театр выбирает себе свой репертуар. Так и мы ищем ту драматургию, которую могли бы раскрыть своими силами. Проблема драматургии для нашего театра всегда была сложной, неблагоприятной. А репертуар — это основа развития театра. Но я убежден, что и наш театр может обращаться и к Шекспиру, и к испанской драматургии, но именно к такой, которая соответствовала бы камертону нашего театрального коллектива. Цыганский театр должен оставаться цыганским театром.

Чехова мы не можем ставить. Островского?.. Тоже вряд ли. И, наверное, не нужно. Для этого есть другие театры. А вот драматургия Горького нам ближе! Мы уже ставили спектакль «Макар Чудра». О постановках пьес Горького мы мечтаем. Мечтаем поставить и «Живой труп» Льва Толстого.

— Какие работы актеров последнего времени вас удовлетворили?

— Никакие. И, может быть, главным образом, моя. И актерская, и режиссерская. Это не просто слова. Это вечная боль художника, которому редко правится то, что он делает, — сложная наша профессия. Она не всегда приносит радость и удовлетворение. Среди постоянных мук и споров, ночных головных болей удовлетворение бывает, как секундные проблески. Но и они на другой день уже кажутся ошибочными. Театр требует от творческой личности работать «в завтра». Требуется ощущать перспективу завтрашнего дня.

Беседу вела
О. ПОЛОЗКОВА.